

Александр БЕЛЯЕВ

РАЙ ДЛЯ НЕЗАМУЖНИХ КАРЬЕРИСТОК

— Ну всё, Танечка! — гримёрша посмотрела в зеркало, потом в лицо Тане — ещё более придирчиво, и спросила, как будто бы сильно сомневалась: — Так нормально?

Чего спрашивать: нормально или нет, никто перекрашивать всё равно не будет, времени до эфира уже цигель-цигель, как говорится. Ведущей эфира Тане «Оливке», к счастью, не «рисовали» лицо, как почти всем ведущим женского полу. Слегка подчёркивали её бледность и родинки — над правой бровью, на левой щеке, на подбородке. Бледность, родинки — её бренд. Глянув в зеркало, Таня:

— Супер, Яночка.

А что она ещё могла ответить?

— Ух, шикарная! — ободрила саму себя Яночка. Сдёрнув покрывало, хохотнула: — Как живая!

Эту присказку все ведущие слышат каждый день. Как заклинание. Возможно, примета какая-то профессиональная. Молоденькие гримёрши же не знают, что такое быть не-живой.

— Слазь!

Слазию, угу. Вдруг крик на весь коридор:

— Где ведущая?!

— Где мне быть, блин, я час назад пришла, полчаса на гриме сижу уже. А они ищут, — Таня резко встала, кресло мягко отпрыгнуло на полметра.

— Где?! Ищем с собаками!!

— Это у них как обычно, — вздохнула Яна, укладывая кисточки в свой чемоданчик.

Таня быстро шла по коридору. Салатовые стены, подсвеченные сверху мёртвым неоновым светом. Ощущение, что здесь всегда холодно. И вечно кого-то ищут непременно с собаками — без штампов нельзя, эти присказки — это наше всё. Да делают вид, что ищут! Себя только заводят, силы тратят, лучше б косяк в титрах поправили, сто раз говорила, а им хоть хрен на голове чеши.

В студии, пока крепили-настраивали микрофон-петличку, пробежалась по тексту, привычно губы поджала. Вредная привычка: уж мимические морщины буравятся в уголках губ, тянутся к тонким крыльям острого носика.

Хотя чему удивляться: текст написан очередным стажёром, чей стиль столь же банален, как его идеи, шмотки, татуировки. Ещё раз прошлась по тексту, уже повнимательнее. Читать можно. Но да, чем банальнее мысль — тем длиннее текст. Привыкла уже к витиеватости и тяжести бесконечно высказывающихся причастных и деепричастных оборотов. Не под голос пишут! Глухие они все, что ли? Впрочем, прочитать в эфире возможно всё. Мне уж точно по силам. Обычная работа. Текучка.

В динамиках крик режиссёра:

— Так, работаем! Студия!

Через несколько секунд выпуск — в эфире, по экранам телевизоров буквы: «Таня Оливка».

У себя в городе Таня Олиференко не считалась красавицей. Худая, невысокая, «ботаничка и заточка», запойный читатель: от классики до прессы. Вела дневник с претензией на литературность. Очень странно, что не поступила в тамошний пед на филфак. Зато год проработала в газете, на гонорарах. Писала о всяких безобидных городских

проблемах и событиях. Прижилась. Но следующим летом рванула в Москву, где у неё никого не было.

Ей повезло, как тому дураку в казино: взяли на журфак МГУ, дневной, с общагой. Первая неделя занятий — ни шатко, ни валко. Чему тут учить-то будут? Но пленительная атмосфера: все эти преподаватели, «поднятая» богема, интеллигенты-неформалы. Старинное здание универа в ста шагах от Кремлёвской стены.

На третьей неделе окончательно втянулась в новый распорядок дня. Выходные, правда, скучноваты: ещё не знаешь, куда пойти, с кем. На факультете не сдружались ещё, повода не было: «дай лекцию списать» ещё не актуально, никто не прогуливает пока что, до сессии далеко. Соседка по комнате в общаге в пятницу вечером сбегает к себе в Дубну, это где-то в Подмосковье, часа три на электричке.

Но в тот день отчего-то задержалась после лекций, в деканате надо было что-то там дооформить. Дворик чудесный перед их корпусом. Круглая площадка под пологом старинных, как и сам «наш универ», деревьев. Укрытие прям. С дороги почти не долетает ни шум, ни гарь бензинная, хоть и центр Москвы, города грязного, а движение просто плотнейшее, она столько машин в жизни не видела, сколько здесь за три минуты по Моховой улице до метро. Но пока не вышла за ворота, тут, как в саду, почти что благодать.

И дворик, круглый, перед выходом. Заметила не в первый раз, сидят там на лавочке какие-то двое. С пивом. Один худой в косой коже, второй в бомбере и сетчатой бейсболке козырьком назад, с банданой под ней. Пиво в банках, сигареты в зубах. Плохие парни. Или имидж такой, кто их тут разберёт.

— Барышня!

«Это точно не мне».

— Барышня!

«Блин, чо надо-то?» Кожаный бежит к ней. Заметила, что пивную банку свою поставил на золотой покров листвы, у чутунной ножки массивной «двуспальной» скамейки.

— Можно вас спросить?

— О чём же? — прям остолбенела. Разговаривает он вроде нормально.

— А вы не знаете такую... — назвал фамилию, фамилия Тане ничего не сказала. —

Она типа японист, — уточнил кожаный.

— Я с журфака, — пожалла плечами Оливка. Прозвучало не так гордо, как ей мечталось. — Мы с ИСАА не общаемся.

— Оу, журналист! Круто как! — худой прям обрадовался. Интересно, чему. — Пивка хошь? — он кивнул на скамейку. Там и правда стоял какой-то пакет, с бутылками, судя по очертаниям.

Кожаного звали Пит. Второй — Дэн. Сразу ей Дэн не понравился. Не то чтоб неприятен — просто неинтересная внешность, не приглядывалась. Лицо широкое, глазки маленькие, глубоко посаженные. Цвета какого-то непонятого, оловянный взгляд. От выпивки, может? Станный взгляд, сам по себе — как будто округ тебя смотрит. Рот безвольный, тонкие мягкие губы. У Пети, наоборот, всё резкое — губы чувственные, прихотливо очерченные, нос колючий, косточка в переносице. Щёки залиты лихорадочным румянцем. Может, от выпивки? А взгляд пронзительный, иногда тяжёлый даже. Но улыбка... а он часто смеялся.

А Дэн вот — шутил. Умел. Оказалось потом, что несколько угарных текстов для их группы сочинил именно он. Когда у Дэна в голове зачиналась очередная острота, глаза его загорались серебряным блеском, а губы напрягались в еле сдерживаемой улыбке, когда он, высказавшись бесстрастно, наблюдал за покатывающимися от смеха. Которые тоже не понимали, всерьёз он это или как — а это высший класс манипуляции аудитории. В такие моменты Дэн казался Тане очень сильным и даже привлекательным.

Неделю они втроём встречались после занятий и ходили-бродили по набережной Москвы-реки. На «базу» её не приглашали: женщинам там не место, если они не музыканты! Таня как-то спросила, когда они вообще репетируют-то? «Да вот умеем мы, да... поздно вечером! Кстати, сейчас именно что программу новую репетируем. И ещё одну — но это уже мы с Дэном вписались в тему. Но там другая группа. Не рок-н-ролл вообще. Пока не скажем. Мало ли». Понятно, все смешки. Таня очень удивилась, когда в конце недели Пит объявил ей, что скоро концерт их основной группы и она приглашена. Даже более того — можно заскочить на базу, они-де хотят лояльной аудитории новые песни представить.

К Тане впервые столько мужского внимания. Вот прям чтоб два парня-москвича, интересные, какие-то творческие, и не лезут и ничего такого. Без грязи. У неё в городе такие, как она, слабо котировались. Мужики не собаки, на кости не бросаются,

все эти присказки. Там женщины-бабы, рослые, с квадратными задницами, валкой походкой, жирными сутулыми спинами, как у рыб промысловых. И приплод постоянный, постоянный... Тоненькая — это как порченная какая... не баба! А тут вот обратили внимание на неё, такую, нецелованную, нежное личико с намёком на неразбуженный бешеный темперамент. Вообще-то она и не хотела, чтоб на неё бросались. Вот совсем такого в мечтах не было. Что-то другое манило, потому и в Москву... Да, сюда прибыла уже немного пообтёршейся в профессии, с ворохом публикаций.

А учёба странная. На науку не похоже. Или просто — пристрелка? Но надо понять, как тут, в столицах, всё устроено, потом и подрабатывать можно будет. В газете там или ещё где.

Оливка — это прозвище придумал ей Петя. На её бледном лице с курносом носиком тёмные глаза выделялись, как две крупные оливки. Блестящие и влажные, под белизной крутого лба в пикантных родинках. Но у него не с глазами ассоциация родилась, а с фамилией. Спросил фамилию — ну, на всякий случай, и в гостевые списки на концерты чтоб вносить потом, когда-нибудь. Олиференко, фамилия.

— Хм, — сказал Петя, пожевал-побормотал: — Олифа, олива... Оливка!

— Крутое прозвище, — одобрил Дэн. — Нормальная кликуха — половина имиджа.

— Статьи свои так будешь подписывать — Таня Оливка. Красота!

Ей тоже понравилось.

Обычно они догуливали по набережной, пока пиво не кончалось. Потом парни ехали «на базу», свою или к кому-нибудь, поиграть или «поджемить». Оливка — в общагу. Ей всё ещё очень интересно было с ними общаться, но хотелось уже что-то послушать, что они там творят на своих «сейшенах». Сейшен — интересное слово, отку-да такое взялось вообще?

Через пару дней Дэн вдруг сказал:

— А у нас сейшен будет. Для друзей. Программу новую обкатываем, — она пристально посмотрела на него. Нарочито так, типа ну-ну, и к чему это ты, а? — Я к тому: приходи!

— Блин, а мы разве Оливку не приглашали? — удивился Пит.

— Когда? Сегодня? — спросила Оливка.

— Вообще, — ответил Пит. Дэн глянул на него, как на идиота.

— В субботу, — вздохнул Дэн. — В субботу. В «Форпосте». В пять — наш сейшн. Потом там чо-то... ихнии барды какие-то, пофиг.

— А он где, клуб в смысле? — спросила Оливка.

— На спортивке ж, — удивился Пит. Кто ж не знает «Форпост»?

— Метро «Спортивная», — уточнил Дэн. — Мы пораньше приедем, можем в метро пересечься.

Базой оказался перестроенный первый этаж кирпичного жилого дома на Хамовническом валу (название улицы тоже зацепилось в памяти), близ метро «Спортивная». Три окна — заложены кирпичами. За ними как раз — репетиционное помещение. В коридорах очень мило — детские рисунки, из изостудии тут же ютящейся. Не похоже на логово рокенрольного разврата.

На базу в день «закрытого сейшена» Пит, Дэн и Оливка прибыли раньше всех. Дэн и Пит, несмотря на свой раздолбайский вид, вечное пиво и сигареты-косяки в воспалённых губах, на репетиции не просто не опаздывали, а приходили раньше. Опаздывать у музыкантов считается хорошим тоном. А приходиться раньше — ну это как бы вообще несерьёзно, не по-панковски. По-панковски в этом смысле вели себя только басист и клавишник. Наверное, потому, что оба пели ведущие партии попеременно, так что фронтмены-звёзды ж! Но до их прихода Пит и Дэн успевали «полабать» свои любимые песни.

У хозяина базы, невысокого дядечки с хвостиком редких волос, длинным носом и хитрыми глазками, получили ключи. Вошли в пустую комнату, стены которой обшиты дырявыми панелями.

— Блин, вот даже в такой день они тормозят, — пыхтел Пит, вытаскивая из стенового шкафчика «железо» — барабанные тарелки. И педаль. Это всё индивидуального пользования предметы — они, как и палочки, у каждого барабанщика свои.

— Да, задолбали, — согласился Дэн. — Уволить бы их на фиг.

Он усмехнулся. Пит замер на секунду.

— Ну, знаешь, если даже тебя достали... Он просто, — пояснил он Оливке, — всегда обломщиков этих наших отмазывает.

— Больше не буду, — пожал плечами Дэн. Он уже повесил на себя гитару (она тоже живёт тут от репы до репы, дома у него другая, гэдээровский «стратокастер»). — Помолчите все, я настроюсь.

Пит кивнул. Дэн взял несколько кварт, подкрутил колки, ещё раз по квартам, жажнул аккорд. Потом по флажолетам. Ну вообще идеально!

— Может, чайку? — спросил Пит Оливку.

Она пожала плечами. А что здесь готовится-варится, где, как, она ж не знает.

Тут вдруг на пороге возникла девушка. Высокая, стройная, крутые бёдра обтянуты джинсами из синего плотного денима. Сапожки — укороченные «казаки», которые тогда назывались — «крысы».

— Ой, блин, где твой драгоценный Дарик?

— Слушайте, он машину завести не может!

А у Дарика действительно была машина, отцова личная иномарка, не посольская. И на ней Дарик каждый раз возил свой шикарный эмулятор. Половина «фирменного» звучания группы — заслуга эмулятора Дарика. Ну и, конечно, его пальцев, натренированных музыкальной школой и училищем — почти десяток лет в общей сложности.

Дарик, «обрусевший болгарин», как он себя называл, пару раз в год бывал в настоящей загранице, не «куриной» Болгарии. Оттуда привозил диски, настоящие серебрянсто-радужные «компакты» с моднейшей музыкой. Не чурался попсы — «интересно, как клавиши сейчас пишут», отмазывался типа. Но остальное слушал всё правильное: альтернативный рок, металл, индастриал. То есть всё, что имело смысл слушать. И что имело смысл играть. Так Пит рассуждал. Ему, безусловно, очень хотелось быть в этой современной волне. Не хуже, чем на Западе. Даже так — одним из них. Никому он, конечно, об этом не говорил, даже Дэну. Но чувствовал, что Дэн тоже что-то такое думает. Да и раздолбай — фронтмены эти, басист и Дарик... Все они на одной волне, чего уж говорить. Потому и сошлись два года назад. Тогда криво играли кавера, а теперь своё, на русском и английском, и хотя с вторым языком, конечно, засада, но рашнтексты и стиль принесли славу в продвинутой среде столичной молодёжи, и сейчас клубные концерты случаются всё чаще. За два года поменялось всё. Группа стоит на пороге славы, считал Пит. Вот ещё немножко поднажать, и...

— Надо выпить, — подумал он вслух, имея в виду чай. Чай и только чай. Сегодня. До вечера.

— Да вам только выпивать сейчас! — воскликнула девушка, сжав губы.

— А что такого — репа-то один хрен накрылась.

— Нам выступать сегодня, — прошипел Дэн.

— Ладно, и так назубок всё знаем, — пожал плечами Пит. — Хотя разогреться не мешает.

— А *такого* то, что ты ко мне приставать начнёшь, — сказала она безо всякой интонации.

— Ты офигела такое говорить? Я кто, по-твоему?

— Животное, кто ж ещё...

— Прекратите! Не надо при... — он глянул на Оливку.

— Ах-ах, — воскликнула тёлка с фальшивым умилением, — не при детях. Не при чистых. Я поняла, блин. Всё, базара нет.

— Тань, — вскричал Дэн, — не слушай её... Девочки, сварите чайку лучше, а? Ну п-пожалуйста.

— А давайте, — вдруг оживилась тёлка, — замутим?

— Денег нет, — сказал Пит, — и так уже столько промутили, что... Мне вот пластик новый нужен.

— Да? Чем старый плох?

— Не настраивается, звук плывёт. А я хочу звучать фирменно.

— Да ты только про бухло, — рассмеялась тёлка. — Я имела в виду — замутим, ну, такое, группен...

— Заткнись, а, — прошипел Дэн.

— Всё-всё, молчу-молчу! Какие вы все... вялые!

— О, блин, двое из ларца! — воскликнул Пит. Все обернулись к двери, в которую входили басист и Дарик.

— На извозчике добрались, — Дарик со вздохом поставил свой драгоценный эмулятор на попа.

— Ну, теперь хоть полабать можно, — Дэн потыкал ногой в педали, жажнул какой-то аккорд. — Давайте уже, включайтесь.

— Не гони волну, — усмехнулся басист, расстёгивая кофр со своим пятиструнным MusicMan'ом.

— Не имей Amati, а умей лабати, — сказал Дарик Питу, который вообще-то сейчас молчал и не выёживался, да и играл не на Amati. Пит не отреагировал, наклонился поправить педаль. Это ж просто у них ритуал такой, подколки бесконечные, обесцвеченные, обесцененные.

— Ладно, сестричка, нам пора, — сказал девушка Дарика Оливке. Та удивлённо

посмотрела на неё. — Пойдём на улицу покурим. Потом чайку заварим. Травяного, — усмехнулась она.

— Только без мяты! — крикнул было Дарик, но тему влияние-мяты-на-потенцию развивать не стал, тут же отвлёкся на настройки своих клавиш.

— Я не курю, — сказала на улице Оливка извиняющимся тоном, глядя на протянутую ей пачку «Lucky Strike». Девушка Дарика округлила глаза:

— Ой, *чистая* какая! Прелесть просто, сестричка... Ноль пафоса и понтов провинциальных. Люблю прям!

Она бросила окурок около урны, растёрла его сапожком с острым носом.

— Какие уж тут понты, — сказала Оливка. И, взглянув в глаза собеседнице, вдруг неожиданно для самой себе спросила: — А я что, разговариваю как будто с периферии?

— Ну-у-у-у... Есть немного. Но не парься, сейчас все говорят, как умеют. Понаехали в Москву!

— Мне нельзя говорить, как я умею, — сказала серьёзно Оливка. — Мне надо как надо. Как на радио. Я на журфаке учусь.

— Ого! Ладно, пошли чаёк варить. Расскажешь, как там у вас.

Вечером прибыла лояльная публика. Зал предсказуемо забили девушки и собутельники музыкантов.

— Тебя как зовут, сестричка? — спрашивали её.

— Оливка, — автоматически отвечала она. Почему-то легко было представиться этим новообретённым прозвищем, а не настоящим именем. Но тут у всех были прозвища.

А потом кто-то, чья-то девушка тоже:

— А ты с кем?

— Да ни с кем, — растерялась Оливка. — Ну, в смысле, Пит и Дэн меня пригласили...

— Хм, — девушка на секунду нахмурилась. — А мой парень — Слэм... ну, басист, — пояснила она.

— Ага, круто, — Оливка не нашла сказать ничего умнее. Девушка хохотнула:

— Когда как! Иногда не очень, но в общем да!

Непонятно, что она имела в виду. Но «мой парень — музыкант» — это круто звучит. Если б можно было так говорить вместо надоевшего «*я ни с кем*». По сути, вообще ни с кем в Москве этой. Со всеми общение чисто формальное.

Наконец, наступила следующая суббота и настоящий концерт, с реальной публикой, купившей билеты. Ну, не все, конечно, купили, но по большей части. Новые, незнакомые люди. Концерт в клубе у метро «Улица 1905 года» (московская топонимика продолжала Таню удивлять). Полный зал, биток, ощущение Вудстока, хоть танцпол и небольшой, несколько тесных квадратных метров с пропотевшим тёплым воздухом над ними. Остальной зал в неподвижных кожаных креслах и деревянных столиках. Массивная стойка бара, за которой, изнурённый жаждой, стоишь по полчаса, пока официант не соизволит на тебя внимание обратить.

Да, публика новая и, кстати, на удивление мажористая. Прилично одетые. Гранж-мода — рубашки клетчатые, рваные джинсы, но видно, что фирма. И ботинки эти — некрасивые, но жутко дорогие, «Доктор Мартенс». А так общий вид такой, который Танина мама назвала б «за дровами сходить». А ещё все почти лысые и/или в бейсбольных кепках с очень толсто вышитыми надписями. Пара человек с дредами. Вот это просто шок — она всегда думала, что такие волосы, «колтуны», мать бы сказала (в их городе на санобработку б отправили принудительно), только у Боба Марли. И что у него такие от рождения. А вот тут вот вполне славянские лица и пшеничного цвета дреды. Странно. Может, себе заплести такие? Она, конечно, ещё не знала, сколько это удовольствие стоит; много лет спустя заплела, когда деньги появились и социальный статус позволял ей чудить с внешним видом.

По словам самих членов группы, Sex Pestizzides играли такую музыку, которой ещё нет. Ну, то есть подобное в России никто не играет. Только на Западе. В США в особенности. Индастриал плюс хардкор — такой вот стиль. Жанр: «альтернатива»; так тогда что угодно называлось, что громкое и скрипучее. А тут всё как надо: тяжелые гитары, сбитые барабаны, рёв вокалиста, срывающийся в рэп-речитатив. На безрыбье и рак, понятно, рыба, а в пустыне и... так что круг поклонников они обрели быстро. Их крутили по радио в программе «Учитесь плавать» — про именно такую музыку; ведущему нечего было из наших ставить, так что он почти в каждой программе их песню

какую-нибудь заводил, и альбом, таким образом, слышала вся неформальная Москва и Питер. По клубам играли — за небольшие совсем деньги, но чувствовалось — накачивается волна. Учиться плавать!

В грохоте концерта Оливка расслышала, что «Булгар» Благоев на клавишах своих играет аккорды хитрые, альтерированные. Удивилась — не тому, что он, в общем-то, серьёзный музыкант, с композиторским даже мышлением, а тому, что сама автоматически анализирует гармонию и форму. Семена музыкальной школы неожиданно дали всходы. Куда их теперь девать?

Она рассказала парням о своём открытии... «да ты, блин, прям музыкальный критик! Слушай, тебе надо это — статьи писать. Про нас, ага. Или нет — лучше на радио. На телек. Давай я со Скларом поговорю? Каким ещё? Ну, который учишься плавать... или с Троицким?»

Дэн отрывался на сцене — пухлый торс, ручейки пота сияют в софитах, капли летят, как от пса, сушащего тело после... Толпа прыгала и орала. Ближе к финалу Дэн бросился в толпу — не глядя, с гитарой наперевес — Оливка схватилась за горло...

Руки фанатов передавали Дэна, продолжавшего пилить соло, дальше, к задним рядам, потом так же вернули его обратно, поставили на сцену. Это был триумф.

Оливке казалось, что она сошла с ума, либо сильно пьяная, хотя не пила алкоголь ни сегодня, ни вообще никогда. После концерта музыкантов, как это водится, поклонники забрали на «афтепати» — впервые Оливка услышала это слово, спросила: «К-куда?» — «Недалеко, — сказал Дэн. — На Ленинском тут... нас отвезут, не парься». Нас?

В квартире с четырёхметровыми потолками было множество комнат и огромная кухня. В одной комнате танцевали. Тогда все заслушивались саунтреком из «Криминального чтива». На вечеринках обязательно ставили кассету, где сначала забавный твист Чака Берри, потом баллада *Girl, You'll be a Woman Soon*. Пит говорил, что это перепевка: у его родителей есть старая пластинка, отечественная причём, где песню поёт сам автор, Нил Даймонд, который её сочинил чуть ли не в шестидесятых, а то и раньше. Но эта новая версия — как сёрф, с дрожащей гитарой, она лучше и современнее. На кухне выпивали и курили траву. В остальных комнатах, тёмных, тоже выпивали, но в основном по двое ныкались по углам, диванам, креслам, шкафам и кладовкам.

Утром Пит вошёл в комнату, где на гигантской кровати лежал кто-то неузнаваемый в одежде и, под пледом, Дэн и Оливка.

— Толстый, вставай, пошли... — Пит осёкся, поймав взглядом блаженно сопящую, как ребёнок, Оливку. — Ты даёшь, блин, толстый...

— Погодь, щас, — пробормотал тот сквозь сон.

— Ладно, досыпай. Герой-любownik. Группи-мэйкер.

И ушёл домой один. Благо там недалеко было, а погода стояла тёплая.

Ещё летом Дэн и Пит свели знакомство с одним продюсером, про которого в тусовке никто не слышал. Он двигал первый свой проект — девчачью группу. Необычную. Провокационную. Типа лесби. Он сам бывший детский психолог, то есть профессиональный манипулятор. Решил сделать шокирующий поп-проект. Получилось. Две песни гремели повсюду. И он ухитрился подписать их на иностранном лейбле на отделении — те сразу предложили в Европу и Америку, и группа там прогремела. А в Японии стала культовой — манга аниме имидж девочек-школьниц.

Сложность такая: альбом был сделан саунд-продюсером полностью электронным, а это значит, создатель группы, продюсер-менеджер, считал, что за границей надо рубиться вживую и жёстко. Чтоб совсем шок и шоу. Шок-шоу — формат благородного происхождения. Как Элис Купер, WASP, Kiss и прочие. А теперь и русские своё веское слово сказали.

Искал гитариста, барабанщика и клавишника «в стиле альтернатива, индастриал попсовый». Молодых, продвинутых, как тогда говорили. Звук, понятно, агрессивный чтоб, а у нас слов-то типа «попсовый индастриал» почти никто не знал и играть такое серьёзно никто не играл по причинам техническим и вообще — отставания масскультуры российского от общемировых тенденций, так сказать.

Так вот, наводку на продюсера этого передал Питиу звукреж с их репетиционной базы. Крутая, говорит, тема — гастрологи грядут забуторные (человек старшего поколения, он выражался такими словами), за полгода на квартиру заработаете. При слове квартира любой москвич вздрагивает; Пит и Дэн, «отцы русской альтернативы», тогда всё ещё проживали с родителями в панельных двушках на Юго-Западе.

Они встретились с продюсером, очень оживлённо с ним побеседовали, а когда вышли, то не поняли, о чём вообще шёл разговор, какие из него сделать выводы, и не является ли данный т.н. продюсер шизофреником в маниакальной стадии. Но никто

не торопил, времени на раздумья положили месяца два, а девочки пока с хореографами и коучами по вокалу мастерство дооттачивают. Пит и Дэн понимали, что решение только за ними, поскольку конкурентов на это место у них не было и быть не могло. Конечно, нарождалась целая субкультура такой вот музыки. Но все в основном играли только своё, были самоучками. Пит и Дэн же, несмотря на раздолбайский вид, и в музыкалке хорошо учились, и после окончания постоянно дошлифовывали мастерство. Они умели «снять» всё, любую песню западной группы. Наизусть знали все официальные записи Red Hot Chili Peppers, где нерегулярные барабанные сбивки и гитара слегка детонирует — когда звучит вроде всё правильно и понятно, но в реальности фит подберёшь, чтоб фирменно звучало.

В начале сентября группу Sex Pestizzides пригласили в Питер на фестиваль, который какие-то политики местные организовали с целью заигрывания с молодёжью. Мероприятие, сказал их директор, он же старший брат басиста, «бо'атое» — неловкая попытка симитировать фрикативное «украинское» «г». Директор сразу «прохавал базар», что тут можно требовать хорошие условия. И «по райдеру» выторговал всей команде отдельные номера в хорошем отеле. Впервые они жили на гастролях в человеческих условиях. В лучшем случае номера на двоих, а директор с кем-нибудь на «экстра-бэд», матрасике на полу то есть. А так вообще либо одним днём оборачивались, если по Подмосковью или Золотому кольцу, либо «вписку» у знакомых-друзей-фанатов искали. И находили, что характерно.

После ураганного выступления все братались за кулисами. Барабанщик хэдайнара, американской хардкор-группы, почитаемой ещё с 80-х, похвалил Пита: «You're a good drummer!» Тот смутился, пробормотал: «I know my level». Получилось несколько вызывающе, хотя имелось в виду: да ну что у меня за уровень, что вы, что вы, вы — боги, а мы так тут, баловаемся! Американец захохотал, что «yeah you're great! Guys, you great!» Потом уже все носы мочили в хайболлах с бесконечно подливаемым виски, который туго тающие кубики льда не успевали разбавлять, и ржали, и тёрли на смеси русского, английского, финского. Потом оказались в знаменитом угловом доме. Чья-то гигантская квартира. Там своя «простава», частная. От мажора-поклонника. Почему-то много сухого мартини с оливками. Наверное, для эстетики. Все в основном налегали опять на виски и водочку, а оливки... присказка такая была: когда кончается водка, закуска превращается в еду.

Утром Пит очнулся где-то в углу. Поёжился, хлюпая носом. Обвёл глазами комнату: слоистый дым до потолка. В соседней комнате кто-то постанывает. Пит резко встал, сильно пошатнувшись и чуть не рухнув обратно на пол. Нашёл Дэна.

— Вставай давай. Пошли за пивком.

Дэн посмотрел на него оловянными глазами, через щёлочки тяжёлых век.

— Не могу-у-у...

— Вот потому и пошли. Не тяни. Поговорить надо.

— О ч-чём, блин... ты рехнулся ... — он снова сомкнул глаза. Хорошо, что он был в спортивной кофте с капюшоном с надписью Biohazard — Пит просто дёрнул его вверх за капюшон.

— Ахринел, сука, убью...

Но через полчаса они сидели в случайной забегаловке на Невском. Блинчики у Пита на тарелке. По два пластиковых стакана с пивом у каждого. Дэн сразу осушил половину своего, и теперь глаза его блестели.

— Мне надоел этот панк-рок, — сказал Пит.

— Ты о чём?

— Да обо всём.

— Ты чо, всё только начинается! Мы ж, блин, выступили в таком...

— Угу, — кивнул Пит, пристально глядя на Дэна. — Это всё начала конца. Весь этот фестиваль.

— Т-ты о чём? — повторил Дэн.

— Надо соглашаться, — сказал Пит как будто самому себе, глядя в сторону.

— На что? Ты можешь нормально говорить?

— На предложение продюсера этого.

Пит назвал фамилию того, кто предложил им работу в его гёрлз-бэнде. Впервые Пит, говоря о нём, назвал его по фамилии. Между собой они называли его «сумасшедший».

— Сумасшедшего?

Пит отпил пива. Шумно вдохнул воздух через зубы.

— Сумасшедшими мы будем, если откажемся.

— Но это ж, блин... — Дэн, кажется, окончательно протрезвел и ловил взгляд Пита.

— Это ж попса!

Тот покачал головой:

— Это нам решать, попса или нет. Будем играть так, как нам самим катит. По хард-кору. Понравится — отлично, нет — ради бога, до-о-о свиданья! В любом случае, себе мы изменять не станем, — Дэн тяжело вздохнул. — Ладно, Дэн, допивай и пошли.

— К-куда?

— Номер в отеле сдавать. У них там выселение до 11-ти вроде. Чек-аут.

— You can check out any time you like...

— Ес ит ыз.

Вечером группа улетела в Москву.

Она долго не решалась сказать Дэну, что беременна. Повстречались, болтали, она раз продинамила его как-то ловко, удалось. При следующей встрече поняла, что никогда уже не скажет, если не сразу сейчас.

Он глядел на неё не мигая. И сразу как-то весь обмяк.

— Дэн, надо что-то решать с этой ситуацией, — голос дрогнул от непривычки произносить штампованные фразы.

И тут разрыдалась, и всхлипывала, что не знает, как такое могло, и «я тут одна со всем, отчислят, не могу вернуться в деревеньку». «Деревенька» её совсем добила. Дэн прям испугался, что она сейчас прям в обморок упадёт или в падучей забьётся, и всё повторял:

— Тихо, тихо, маленькая. Ну тихо, тихо... Чёрт, тебе б выпить надо.

— Да ненавижу водку вашу!

— Тебе-то валерьянки. Но вот мне б водочки, — вздохнул он. «Она-то понятно, но я-то что, как мальчик? Отец русской альтернативы, блин. Папаша, ёлки».

В тот вечер все успокоились, решили, что... а что конкретно решили? Ничего конкретного. Но что найдут выход. Под выходом каждый понимал своё.

А на завтра Дэн сказал:

— Короче, я поговорю с матерью моей. Она тебя тут приютит, я думаю. Пока я на гастролях буду.

— Где?

Он объяснил, что они согласились на предложение сумасшедшего. Давно согласились. Тур на год.

— А что такого? Крутая работа, вернусь — квартиру куплю.

— Чёрт, ты ж уедешь! — Оливка разрыдалась.

— Ну да, это ж моя работа. А мать...

— Что она обо мне подумает?

— О тебе? Ничего. Чего ей о тебе думать-то? Она о себе подумает, что бабкой стала. И, уверен, это её обрадует.

Оливка замолкла. Втянула носом. Проглотила ком в горле.

— Ладно. Дэн, мне всё это надо переварить.

Вернувшись в общагу, легла. Думала, что сейчас заснёт, но ворочалась, ворочалась. Что-то мешало. Потом вроде успокоилась. И так лежала не шевелясь до ночи. Ночью проблема решилась сама собою... Соседка вызвала скорую. В больнице Оливку «почистили-подштопали», как она потом говорила. Как будто косточку вынули. Или, наоборот, новая выросла. Которую не разобьёшь.

После больницы они виделись — как друзья. Он не знал, как себя вести. Она совершенно спокойна, слишком спокойна. Решил, что не отошла пока что. Сообщил, что уезжает такого-то числа, уже точно, билеты есть. Летят на шоу-кейс куда-то в Скандинавию. Она пожелала ему счастливого пути. К возвращению Дэна с гастролей Оливка была уже брендом русского MTV.

Звонила домой. «Доча, когда приедешь в гости?» Резануло, что теперь уже не «домой», а — «в гости».

Почти бесснежное начало декабря в Москве — редкость. Но воздух окончательно выстудился, поверхности луж схватились бесшумно-хрусткой ледяной плёнкой, превратились в слепые зеркала, которые ничего не отражали. Кривые скелеты местных деревьев, нездоровых, как неухоженных, на пустой голубизне неба.

Оливка шла по улице и представляла свой городок, утопавший в пушистом снегу. Теперь уже можно съездить в гости домой. На каникулы. Да, жутко выгляжу, конечно, заучилась же совсем, вконец. Всё объяснимо. Но трудно будет не проговориться. Идущий навстречу парень, длинный, бледный, с развязной походкой, озирающийся, бросает в лужу пачку из-под сигарет, даже не удосужившись её как-то скомкать плотнее и прицелиться в решётку канализационную. Но это уж паче чаяния. Московская зима оказалась удивительно грязной.

На своей Моховой зашла в церковь. Её в детстве ещё бабка покрестила, тайно. Но

родители, узнав, не заскандалили, а даже согласились, что так лучше: теперь все крещёные. Теперь каждую неделю стала причащаться.

Стала больше курить, как сама себе объясняла, чтоб нижний регистр разрабатывать. Тут как раз подвернулась стажировка на телевидении. Там она сперва позанималась какой-то ерундой в студии, принеси-подай-позвони-встреть-гостей-эфира, вот это всё, потом её стали отправлять на съёмки, побегала по съёмкам удачно, шеф-редактор похвалил, телевидение, сказал, явно твоё, смеясь, добавил, что телевидение — рай для незамужних карьеристок, в общем — продвинешься. И очень удивился, когда она попросила характеристику и сказала, что уходит с этого канала. Потому что запускается русское MTV, где, собственно, нужны все, от ведущих до корров, продюсеров и секретарей. «Далеко пойдёшь!»

По тусовке она нашла телефон тогдашнего главного на MTV, просто позвонила и, обнаглев от робости, заявила, что она — Таня Оливка, корреспондент, знающий всех в музыкальной тусовке Москвы, и готова посотрудничать на новом канале.

— Хм, — хмыкнул главный. И через вечную паузу: — Ну и приходи... послезавтра. Позвони по местному снизу, тебя встретят. Паспорт не забудь. На всякий пожарный. Фамилию напомни?.. Оль-ливка! Есть, записал.

Гудки в трубке.

Её действительно встретили внизу. Она протянула паспорт в окошко бюро пропусков, получила бумажку на один день и вскоре стала официально называться: корреспондент Таня Оливка. Так и титровали. А потом и ведущей хит-парада. А потом ведущей ток-шоу. По фамилии её теперь называли только преподаватели, которых она видела нечасто.

Короче говоря, сессию на третьем курсе она, вчерашняя ботаничка и заточка, едва не завалила. Но бывшей ботаничке это было *сугубо фиолетово*: ясно ж, что никакие дипломы для работы в журналистике никакой роли не играют. Иногда заглядывая на факультет — из общаги она съехала в комнату в двушке на окраине, — удивлялась, что сокурсники парятся из-за каких-то никому не нужных рефератов про историю зарубежной журналистики и прочее. Хорошая половина курса, впрочем, намеревалась идти в пиар, где по-любому денег больше. Лучше — в политический пиар. Один — странный тип, худой длинноволосый очкарик, с длинными зубами и шаткой, как у зомби, походкой, вечно одетый в чёрную футболку с Егором Летовым за колючей проволокой (явно так намекал на мнимое сходство с кумиром), — писал заметки-расследования для коммунистической газеты, под заголовками типа «Как закалялась шваль». Годы спустя он станет прочно вписанным в госсистему пропагандистом; иногда из окна своей двушки в элитном небоскрёбе она будет видеть, как он приезжает ночью на таком широком и блестящем, обтекаемом, как дельфин, «мерседесе». Соседей не выбирают.

А диплом она до сих пор не получила. Но его никогда у неё и не спрашивали. Какой спрос с телезвезды-то?